

ЯЗЫК КАК МЕТОД РЕПРЕЗЕНТАЦИИ, СОЗДАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Т. Т. ШИКТЫБАЕВ,
д.ю.н., доцент, профессор кафедры
«Юридических дисциплин»
Костанайского социально-
технического университета
им. Зулхарнай Алдамжара,
автор-корреспондент.
E-mail: toksanbi@mail.ru

Р. С. КАСПАЕВА,
м.ю.н., старший преподаватель
кафедры «Юридических
дисциплин» Костанайского
социально-технического
университета им. Зулхарнай
Алдамжара.
E-mail: raushankaspaeva@mail.ru

По мнению авторов, значение языка, знание его форм и правил для правовой действительности столь велико, что с полным основанием можно обозначить его как метод права. Категориальное осмысление языка, его природы и сущности представляет то необходимое условие, которое позволяет исследователю, законодателю и правоприменителю семантически более точно выражать свои взгляды и намерения, обосновывать когнитивное поведение, быть ответственным за него. На основе языка формируются правовая культура и правосознание, философия и теория права, объективное право и правореализационная практика. Современный правовой кризис есть не что иное, как недооценка причин и методологических противоречий в сфере познания права, недостаточное понимание юриспруденций: а) ключевых единиц философского познания – категорий «понятие», «гипотеза» и «теория»; б) языка как главного инструмента формализации права, его генеративных, репрезентативных и коммуникативных функций, языковых единиц; в) природы, идеи и ценности права, базовых юридических категорий и терминов. В частном плане слово (речевой оборот, неологизм) в работе представлено как самодостаточная и сложная моносистема – когнитивная «вещь в себе» (когнитивный феномен), состоящая из материи слова, смысла слова и меры слова. Такое триединство дает возможность юриспруденции увидеть структурную и смысловую общность слова и правовых понятий в их органическом единстве, как две стороны одного явления. В статье применительно к правовой действительности также раскрывается теория языковых игр Витгенштейна. Авторы исходят из того, что понимание данной теории позволяет избегать подмены понятий в правовых текстах, манипулирования мировоззрением и поведением добросовестных граждан. В работе обосновывается вывод, что от понимания природы и сущности языковых категорий и языковых игр напрямую

зависит соблюдение законов логики, соответственно, качество правовой науки, правотворчества и правоприменения, цивилизованность общества в целом.

Ключевые слова: язык как метод права, язык как способ репрезентации, формирования и реализации права, функции языка в юриспруденции, теория языковых игр, язык как система и феномен, языковые игры в юриспруденции.

Введение

Язык, согласно «замыслу природы» выполняет особую миссию – служит определяющим средством реализации природы и сущности человека, способом его социального бытия. В правовой действительности, как главной и легитимной форме цивилизованного мира, язык предстает в качестве инструмента ее репрезентации, формализации социальных отношений, создания системы юридических знаний, реализации правовых предписаний. Значение языка, знание его форм и правил для правовой действительности, как и всякой категориальной сферы познания, столь велико, что с полным основанием можно обозначить его как метод по отношению к праву в самом широком его понимании. В этом плане категориальное осмысление языка, его природы и сущности представляет то необходимое условие, которое позволяет исследователю, законодателю и участникам правоотношений семантически точно выражать свои взгляды и намерения, обосновывать когнитивное поведение, быть ответственным за него. Более того, на основе слова, как понятийной языковой единицы, устной речи и письменных текстов формируются правовая культура и правосознание, объективное право и правореализационная практика. Таким образом, слово и язык как частное и целое в своем единстве и есть то необходимое условие, без которого всякая юридическая мысль остается бесформенной и недоступной для осмысления субстанцией. Причем не только для социума, но, главным образом, для самого познающего окружающую действительность субъекта.

Право это продукт мышления – культурно-исторически оформленная (сформулированная) посредством языка мысль. Мысль и язык в их единстве и противопоставлении как базовые и методологические для всех сфер познания (в том числе юриспруденции) категории представляют предмет изучения философии, логики и многих других наук. Нарастающий в последние сто лет научный интерес к взаимной обусловленности природы и сущности мышления, языка и самого феномена человека, их методологической значимости дал толчок к возникновению полидисциплинарного метода познания, новых интегрированных и прикладных наук.

В этих условиях знание и понимание основных форм и правил герменевтики, формальной логики, лингвистики, НЛП, теории языковых игр и мн. др. смежных наук, их фундаментальных и прикладных достижений для юриспруденции имеет особую мировоззренческую и методологическую значимость. Обращение к этим наукам, в особенности полидисциплинарному методу исследования позволяет более ярко, целостно и структурно увидеть вековые проблемы и многие другие противоречия правовой действительности – осмыслить их под несколько другим углом зрения.

Мы исходим из того, что правовая наука, как и всякая другая, есть всего лишь одна из форм познания, в этом смысле она методологически ограничена. В свою очередь, исторический и эмпирический опыт также не отражают и не раскрывают целостной картины природы и сущности права. В итоге право как наука и как форма социальной регуляции сегодня испытывают серьезный кризис.¹ Разумеется, каждая цивилизация, каждый этнос, каждая страна испытывают его по-своему, исходя из своих культурно-исторических особенностей, способа социального бытия и т.д. В этих условиях обращение к обозначенным сферам познания позволяет решение юридических проблем, устранение противоречий искать традиционно не столько в предметной части права, а главным образом, в методологической. Искать не в следствии и фактологии, а в причинах, выходящих за рамки отраслевых юридических наук и теории права в целом.

Таковыми причинами и методологическими противоречиями представляются недооценка значения, соответственно, и недостаточное понимание юриспруденцией: а) ключевых единиц философского познания – категорий понятие, гипотеза и теория; б) языка как главного инструмента формализации права, его генеративных, репрезентативных и коммуникативных функций, языковых единиц – морфемы, слова, текста, устного монолога и диалога; в) природы, идеи и ценности права, базовых юридических категорий и терминов; г) соотношения юридической традиции (консерватизма) и нового образа мышления, единства и противоречия права должного и права сущего, права и закона.

Основные положения

Язык и слово по отношению к праву представляют метод. Именно язык через генеративную, репрезентативную и коммуникационную функции обеспечивает формализацию, унификацию и культурно-историческую идентификацию идеи, ценности, принципов и норм права, их осмысление философией права и аналитической юриспруденцией, толкование в учебных и практических целях. Знание и понимание обозначенного позволяет не допускать манипулирования поведением субъектов права, обеспечить верховенство права.

Слово и язык представляют собой единство глубинных и поверхностных структур, внешних и внутренних форм. Слово как первичная языковая единица представляет самодостаточную и сложную моносистему – когнитивную «вещь в себе», в которой есть: 1) материя (носитель); 2) смысл (содержание, информация); 3) мера, которая характеризует как материю, так и его смысл – ограничивает их границы,

¹Всякий кризис, как представляется, – это глубинные и фундаментальные противоречия, которые как проблема по отношению к правовой действительности: а) проявляются в недооценке лингвистических и гносеологических, аксиологических и онтологических знаний в их единстве и взаимной обусловленности; б) требуют переосмысления идеи и ценности права, базовых оснований права (понятия и принципов), единства философского и научного познания права, методологии и предмета познания права; в) с учетом обозначенного нуждаются в смене парадигмы силы, на парадигму справедливого диалога.

придает им определенную форму. Слово и правовое понятие органически едины как две стороны одного явления. Понимание этого – есть дополнительный важнейший методологический инструмент для познания права, повышения его регулятивных функций.

Материалы и методы

В рамках настоящего исследования авторы обращаются к фундаментальным философским, социологическим и научно-правовым трудам, опираются на результаты зарубежных философов и ученых. Работа представляет собой рациональное осмысление предмета исследования и рефлексию авторов в единстве категории «я» и окружающей действительности. Авторы исходят из декартовского «я мыслю, следовательно, я существую» (*cogito ergo sum*), «картезианского сомнения», а также утверждения Фихте «все – только эманация «я»,² право есть мысленное представление этого «я», выраженное через его отношение к понятиям, гипотезам, теориям и другим базовым правовым категориям.

Авторы исходят из того, что всякая определенность и противоречия правовой действительности в своей мировоззренческой и методологической основе есть явления психологические (когнитивные) и категориальные. В свою очередь, все они могут существовать исключительно в форме языковых единиц, следовательно, они есть не что иное, как категории и противоречия семантические, лексические и грамматические. Понимание обозначенных лингвистических категорий в единстве с философскими и иными гуманитарными знаниями, умение с ними творчески работать есть главное методологическое условие качества юридической риторики, текстов научных исследований, законодательных и правоприменительных актов, учебников и служебных писем. Обозначенное представляет ключевой тезис и новизну исследования, методологию работы в их органическом единстве и противоречивости.

Результаты исследования

1. Структура и содержание языка, языковых единиц, их роль в правовой действительности

Морфема, слово, предложение, речь, текст и язык в целом, есть те категории, которые делают право для нашего восприятия и понимания доступной сущностью (формой), с их помощью становятся понятной идея и ценность права, формируется его желаемая модель, строятся программа юридического образования и система законодательства, развиваются теория и практика права, отвечающие требованиям новых общественных отношений и технологий.

Согласно философии, язык сращен с интуитивно-практическим пониманием мира (до-сознательным ощущением возможностей), исходным знанием человека.

²Рассел Б. История западной философии (пер. с англ.). М.: Изд-во АСТ, 2019. С. 20, 704-711.

Он состоит в интимном союзе с родным языком как разверткой осваиваемого мира.³ Это означает, что, во-первых, путем понятий, рассуждений и умозаключения исследователь, законодатель или иной субъект правопознания формируют модель своего понимания теории права и правовой действительности. Во-вторых, язык и знания, которые при этом используются, отражают специфику исторической культуры, способ бытия этноса и народов. Соответственно, отсюда и различия в идеях, концепциях, структурах и нормах правовых систем различных стран.

Однако природа и сущность права таковы, что оно не может быть ограничено рамками понимания одного субъекта или одной культуры. В этой связи, в юриспруденции морфологический язык, кроме обозначенной репрезентационной, выполняет и другие важнейшие функции – генеративную (Н. Хомский) и коммуникативную. Общий смысл генеративной функции языка состоит в том, что язык не отделим от мышления. По этой причине на его основе расширяются границы и методология правовой науки, совершенствуется законотворчество и правореализационная практика.

Значение коммуникативной функции языка, в свою очередь, заключается в следующем. Каждый субъект передает модель своего представления о миропорядке и правопорядке, правомочиях и обязательствах другому лицу – делится своим пониманием обозначенного и отношением к нему на основе морфологического языка. Это может быть выражено в форме текста нормативного правового акта, международного или иного договора, оферты и т.д. Посредством данной функции обеспечивается относительно единое понимание легитимного и формализованного способа социального бытия.

Таким образом, генеративная, репрезентативная и коммуникационная функции языка в своем единстве обеспечивают формализацию, унификацию и культурно-историческую идентификацию идеи, ценности, принципов и норм права, их осмысление философией права и аналитической юриспруденцией, толкование в учебных и практических целях. Знание всего этого, наряду с понимаем семантики, лексики и грамматики дает возможность не допускать подмены понятий и терминов, избегать использования неправовых законов и силу государственных институтов вопреки принципу верховенства права. Ведь язык инструмент не только конструктивного и экологичного управления, но и искусного манипулирования.

Правовая действительность есть продукт исторической культуры – нечто, представленное как сложноорганизованная система, которую человеческая мысль в лице философии и юриспруденции, во-первых, формализует (идентифицирует) посредством понятий, во-вторых, кодирует определенными знаками – словами. Особенность постсоветской юридической лексики состоит в том, что она пытается отразить в праве смысл и сущность, с одной стороны, западной идеи права, с другой, – культурно-исторической особенности русского этноса (способа бытия), оказавшего культурное и идеологическое влияние на другие соседние сообщества. Соответ-

³Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178ca663d38106d7f161178> (19.10.2020).

ственно, отсюда возникают понятийные и терминологические противоречия как внутри национальных правовых систем постсоветских республик, так и в международных правоотношениях.⁴ Правовая действительность представлена звуковой (слово, речь) и графической (слово, предложение, текст) формами языка. В этой связи их структурно-содержательный анализ для юридической науки и правового самообразования вполне обоснован и необходим.

Слово и язык представляют собой единство глубинных и поверхностных структур (Н. Хомский), внешних и внутренних форм (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня).⁵ Развивая это положение, мы полагаем, что слово (речевой оборот, неологизм) как знак (сигнал, символ) есть самодостаточная и сложная моносистема – когнитивная «вещь в себе». В ней присутствуют: 1) материя (носитель); 2) смысл (содержание, информация); 3) мера, которая характеризует как материю, так и его смысл – ограничивает их границы, придает им определенную форму. Такое триединство дает возможность юриспруденции увидеть структурную и смысловую общность слова и правовых понятий в их органическом единстве, как две стороны одного явления. Мы исходим из того, что всякое правовое понятие, так же как и всякая трансцендентная и когнитивная «вещь в себе», подчинены принципу известного триединства: материя-информация-мера.

Материя (носитель) слова может быть представлена звуком или графикой. Если минимальной звуковой смыслоразличительной единицей в правовом монологе или диалоге является фонема, то таковой для юридического текста выступает буква. Фонема и буква являются той первоначальной смыслоразличительной единицей, из фигуральной множественности которых возникает морфема и слово, состоят все речи и тексты – вся наука и философия права, объективное право и правоприменение.

Смысл, в свою очередь, есть устоявшаяся психическая, связанная с познавательными способностью и деятельностью человека категория. Поэтому здесь более важно обозначить его соотношение с носителем – материей (звуком и графикой). На наш взгляд, это соотношение можно метафорически сравнить с нейрофизиологической связью нашего сенсорного восприятия формы и цвета яблока, его аромата, с одной стороны, и образным представлением его внутренней структуры и свойства, с другой. Мы не видим и не слышим их, но мы их образно представляем исходя из нашего опыта и накопленных знаний об этом фрукте.

Точно так же воспринимая графический текст закона визуально или слушая его в монологе или диалоге, мы преобразуем эти символы (их множественность) в лексические и семантические категории. Чем шире и глубже уровень наших методологи-

⁴Наглядным примером этому является тысячелетняя проблема правопонимания, которая складывается из специфики латинского *jus*, английского *law*, французского *droit*, немецкого *Recht*, испанского *derecho*, итальянского *diritto*, русского право. Несмотря на кажущуюся их универсальность, каждое из этих понятий отражает особенности своего языка и исторической культуры в их взаимной обусловленности. Это предмет самостоятельного исследования на стыке философии права, теории права и юридической лингвистики.

⁵Штайн К.Э., Петренко Д.И. Языковая компетенция от А.А. Потебни к Н. Хомскому // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kompetentsiya-ot-a-a-potebni-k-n-homskom> (3.11.2020).

ческих, научных и юридических знаний, тем больший и более глубинный смысл мы находим за этими знаковыми фигурациями. Формирование же текста закона или речи есть процесс обратный: зная лексические и грамматические правила их составления, мы материализуем наши идеи, знания и намерения в общепринятые звуковые или графические символы.

Третьим составляющим слова была названа мера. Мера как категория, выражающая органическое единство качественной и количественной, порядковой определенности предмета или явления, в языковых единицах речи или юридического текста выполняет демаркационную функцию – придает им доступную для чувственного восприятия форму. Причем как в отношении материи (звука и графики) слова, так и его смысла (понятия). Разница в них лишь в том, что применительно к материи слова мера проявляется через формы и правила морфологии и синтаксиса, в отношении смысла же – через герменевтические категории, формы и правила лексики и семантики.

Методологическое значение понимания обозначенного триединства вытекает из того, что оно присуще всем без исключения объектам и явлениям реального или виртуального мира. Слово – это знаковая форма этих объектов, которая отображает их суть в рамках его собственной интенции, реализации генеративных, репрезентативных и коммуникативных функций языка. Триединство слова в этом плане позволяет, с одной стороны, увидеть роль и взаимную обусловленность каждого из его элементов в организационном единстве достижения этой интенции, реализации функций языка. С другой – увидеть связь этих элементов с соответствующими компонентами категориального юридического понятия. Не понимая этой обусловленности мы не можем полноценно понять смысл и содержание семантической, лексической и грамматических категорий, методологической роли знания и понимания языка в правовой действительности.

На основе целостного понимания триединства слова, языковых функций, семантики, лексики и грамматики складывается понятие языковой компетенции (Н. Хомский)⁶ и ее овладение, освоение форм и правил языковых игр (Витгенштейн), понимание их теоретического и практического, методологического значения. В итоге юриспруденция, кроме всего прочего, получает дополнительный важнейший методологический инструмент для познания права и государства. Таковым представляется возможность осмысления проблем и противоречий права через такие фундаментальные философские направления и категории как-то: герменевтика, логические законы тождества, противоречия и исключения третьего, причинная связь и мн. др. Культурно-исторический кризис юриспруденции, проблемы правовой культуры на основе обозначенного, представляется, есть не что иное, как противоречия категориальные и лингвистические.

Недопонимание и игнорирование сказанного, в купе с нарушениями логических законов, можно сказать, и есть первопричина практически всех проблем и противоречий в постсоветской юридической науке и объективном праве. К последнему, в частнос-

⁶Языковая компетенция есть предмет отдельного исследования.

ти, следует отнести, противоречия между: конституционными принципами и базовыми нормами, декларирующими гуманистические, демократические идеи и иные ценности Запада, с одной стороны, и многими другими нормами, с другой; нормами вышестоящих и нижестоящих законов; законов и подзаконных актов; нормами общими и специальными; материальными и процессуальными. А это уже языковые игры.

Таким образом, слово и другая языковая единица представляют собой сложноорганизованную моносистему, изучаемой философией, лингвистикой многими другими науками. Понимание элементов, внутренних и внешних связей, форм и правил языка, его методологического значения дает возможность юриспруденции выйти на новый, более глубинный, мировоззренческий уровень осмысления правовой действительности.

2. «Языковые игры» Людвиг Витгенштейна и право

Репрезентация, формирование и реализация права, как и всякая деятельность человека, связаны с использованием терминов и слов, речи и текста, их внутренним и внешним конструированием – словообразованием и структурированием предложения, лежащих в основе всякого текста и речи. Для исследователя, законодателя и правоприменителя это кажется настолько очевидным и обыденным, что зачастую они не задумываются над тем, каково же когнитивное значение понимания семантических, лексических и грамматических категорий в создании различных теорий, их логического обоснования, формирования и формулирования правил поведения, описания юридического опыта.

На интуитивном уровне большинство из нас понимаем, что мысли и слова предопределяют поведение и социально-правовую ответственность каждого из нас (законодателя и правоприменителя, гражданина и экономического агента), образ и уровень нашей жизни, в целом.⁷ Но при этом далеко не всегда глубоко задумываемся о том, насколько границы нашего языка формируют уровень нашего мышления, формируют представление об окружающей действительности,⁸ о природе и сущности нашего «Я», о способе социального бытия. А это уже вопрос идеи и ценности права, отношения к принципам формального равенства и социальной справедливости, когнитивная основа формирования правовой культуры и правосознания, наши успехи и неудачи в юриспруденции в целом.

С этой точки зрения мышление и поведение исследователя, законодателя, участника правоотношений находятся «как бы в неосознаваемом плену у языка» как материальной формы мысли. В этих условиях, как и у Витгенштейна,⁹ напрашива-

⁷Разумеется, важно учитывать и обратную обусловленность – зависимость строения, возникновения и функционирования языка от способа социального бытия. Это предмет отдельного исследования на стыке теории права и социолингвистики.

⁸Грант С. «Языковые игры» Витгенштейна: путь к свободе. Источник: «How playing Wittgensteinian language-games can set us free» / Aeon // URL: <https://monocler.ru/yazykovyie-igryi-vitgenshteyna/> (4.11.2020); Витгенштейн Л. Философские исследования. Кембридж. 1945 // URL: <https://e-libra.su/read/472417-filosofskie-issledovaniya.html> (4.11.2020).

⁹Витгенштейн Л. Указ. соч.

ются схожие вопросы, – может ли постсоветская юридическая мысль и юриспруденция выйти за пределы устоявшегося культурно-исторического миропонимания, обусловленного, главным образом, не менее устоявшимися ограниченностью и консервативностью категориального и терминологического аппарата? Может ли правовая наука и законотворчество без обращения к осмыслению когнитивного значения лексических и грамматических категорий выйти на качественно новый уровень логической парадигмы, расширить границы своего измерения?

В рамках поиска ответа на эти вопросы, представляется целесообразным, хотя бы тезисно, обозначить, что из себя представляет право как семантическая, лексическая и грамматическая категории. В этом поиске мы будем исходить из того, что право имеет значение исключительно в своей обусловленной связи с природой и социальной сущностью человека, которые, в свою очередь, как было показано, связаны с генеративными, репрезентативными и коммуникативными функциями языка.

Человек разумный, прежде всего, есть центр собственного миропонимания и противостоящего ему всего остального мира. Пытаясь выжить в этом мире, человек должен познавать мир и коммуницировать с себе подобными, выработать общие и понятные всем членам социума символы и правила поведения. «Любое действие, предмет материального мира, сам человек становятся социальными явлениями, только будучи означенными и осмысленными в знаково-символических формах. Язык (точнее – человек, использующий язык) обозначает актами номинации, классифицирует, категоризирует и квалифицирует социальные ситуации, превращая некоторые из них – представляющиеся наиболее значимыми – в правовые. Тем самым, конструирование и воспроизводство правовой реальности происходит с помощью знаковых форм, наиболее важной из которых является язык».¹⁰ Под обозначенным углом зрения право представлено семантическими, лексическими и грамматическими категориями, с помощью них происходит понимание идеи и ценностей права, содержания правоотношений, теории права и правореализационной практики, обусловленности прав и обязанностей, юридической ответственности, различение права и закона.

По утверждению Витгенштейна, слова приобретают смысл только в процессе их использования, а сами по себе они не несут смысловой нагрузки. По его мнению, для смысловой нагрузки языка важна социальная практика, выполняемая по определенным правилам.¹¹ Соответственно, для права в понимании его как семантической, лексической и грамматической категорий важно его законотворческое и правореализационное проявление во всех областях материальной и процессуальной формализации общественных отношений.

На основании единства слова и практики Витгенштейн сравнивает деятельность человека с игрой и вводит термин «языковые игры». Согласно его теории, язык динамичен и многообразен, а языковая игра представляет собой единство языка и

¹⁰Честнов Л.И. Постклассическое правопонимание: основные характеристики // Право и государство. 2017. № 1-2 (74-75). С. 14.

¹¹Грант С. Указ. соч. Витгенштейн Л. Указ. соч.

деятельности как целого в процессе жизни человека.¹² Соответственно, различные теории права, тексты законодательных актов, толкование правовых норм с этой позиции представляют собой результат языковых игр, с помощью которых устанавливается миропорядок и правопорядок, верховенство права или произвол закона, обеспеченный государственным принуждением.

Языковых игр, согласно мнению Витгенштейна, бесконечное множество, они образуют обилие всевозможных жизненных практик. По его мнению, человек не может самостоятельно, в одиночку, играть в лингвистические игры. Они возникают благодаря совместному использованию языка. Автор доказывает, что одно и то же изображение или слово может восприниматься разными людьми по-разному. Наглядное проявление этого по отношению к праву, к примеру, мы видим в деятельности правосудия – в сущности принципа состязательности гражданского и уголовного судопроизводства и ее практической реализации. Так слушая, государственного обвинителя (прокурора в гражданском процессе), оперирующего категориями социальная справедливость, законность и т.д., мы нередко эмоционально и даже рационально склоняемся к беспечелляционной аморальности и виновности подсудимого (ответчика). И, напротив, слушая аргументы его защитника или адвоката, опирающегося на эти же категории, мы начинаем сомневаться, понимать, что не все так однозначно, пытаемся найти оправдание поведению подсудимого (ответчика).¹³

Языковые игры, как представляется, есть культурный инструмент, понимание и владение которым дает определяющие и концептуальные преимущества влиять на мнение и поведение отдельного человека или аудитории (социальной группы, электората и т.д.). Ярким случаем такового выступает законотворчество – разработка концепции, принципов и норм проекта закона, его обсуждение и способы его принятия. В постсоветских республиках к языковым играм можно смело отнести смысловую подмену самого термина республика и понятия принципа разделения государственной власти. Так, закрепляя в конституциях демократическую республиканскую форму правления как означающую избираемость и сменяемость органов представительной власти и Главы государства (правительства), неотъемлемость политических прав, в институциональном плане и на практике же на первый план выводятся законодательное обеспечение (не всегда правовое) архаичной традиции вертикали управления, материальных интересов, амбиций правящей элиты в ущерб избирательным правам гражданина, в конечном итоге и естественным правам человека.

Относительно второго, то, к примеру, Конституция Казахстана 1995 г. утверждает, что государственная власть в Республике осуществляется в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви с

¹² Там же.

¹³ Даже беспристрастный суд при принятии «справедливого и законного» решения, как представляется, не свободен от обозначенной риторики прокурора или защитника. Поэтому вполне обоснованно одним из оснований его изменения и отмены закон предусматривает нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права.

использованием системы сдержек и противовесов (п. 4. ст. 3), что на практике, по нашему мнению, не всегда соблюдается.¹⁴

Исходя из обозначенного, развивая теорию игр Витгенштейна, представляется целесообразным ввести некоторую конкретизацию в ее отдельные положения. На наш взгляд, следует говорить не столько об обусловленности термина и слова социальной практикой, сколько об их обусловленности понятиями, поскольку именно на основе понятия мы формируем нашу модель мира, наше поведение, законотворчество и социальную практику. В этом контексте языковые игры в праве по своей сути есть не что иное, как игры с понятиями – открытое или скрытое манипулирование ими. Это мы видим в обозначенных выше примерах, когда заявленная в конституции форма правления и принцип разделения государственной власти как установившиеся в политико-правовой теории и практике понятия в последующем, трансформируясь, иногда приобретают в национальных законодательных и подзаконных актах и иной смысл. Это есть не что иное, как подмена посредством языковых игр концептуального понятия.

Причем следствие этой подмены более тяжелое, чем сама языковая игра или подмена понятия. В практическом плане следствие такой подмены проявляется в прямом нарушении законов логики и, прежде всего, закона тождества. В итоге постсоветское пространство имеет признаваемые многими учеными, политиками и социологами правовой и экономической, главное, мировоззренческий кризис.

Особенность человека – невнимательно относиться к очевидным фактам, – глубоко укоренилась, поэтому значение языковой игры Витгенштейна достаточно сложно заметить и воспринять. Следовательно, не каждый человек может ее понять и руководствоваться ею. Между тем, именно язык есть тот инструмент, играя и манипулируя которым одни люди управляют другими. На наш взгляд, на этом понимании строится НЛП, политические технологии. Юриспруденция не может игнорировать значения языковой игры.

Обсуждение

Использование результатов исследования в философии и методологии права, юридической догматике и законотворчестве позволит исследователю и законодателю видеть противоречия правопонимания и правовой действительности на уровне гносеологии права и мировоззрения. С обозначенной позиции результаты исследования выполняют крупную методологическую и научную задачу, позволяют понять ключевую значимость языка в формировании юридических знаний, учебном и законотворческом процессах, правореализационной практике.

Заключение

Таким образом, язык как метод репрезентации, создания и реализации права, понимание теории языковых игр, форм и правил языка есть одно из важнейших

¹⁴Шиктыбаев Т.Т. Верховный Суд: каждый должен заниматься своим делом // URL: <https://www.zakon.kz/4900769-verhovnyy-sud-kazhdyy-dolzhen.html> (03.11.2020).

условий развития современной юриспруденции в постсоветском пространстве. Принятие правовой наукой, концептуальная и методологическая разработка, внедрение в программу юридического образования всего этого требует значительных интеллектуальных усилий: прежде всего, пересмотра и расширение миропонимания со стороны ученых, преподавателей и обучающихся. Но для этого надо постараться. Это есть первооснова всех других преобразований в постсоветской юриспруденции.

Т.Т. Шиктыбаев, з.ғ.д., доцент, Зулхарнай Алдамжар атындағы Қостанай әлеуметтік-техникалық университетінің «Заңтану пәндері» кафедрасының профессоры; Р.С. Каспаева, з.ғ.м., Зулхарнай Алдамжар атындағы Қостанай әлеуметтік-техникалық университетінің «Заңтану пәндері» кафедрасының аға оқытушысы (Қостанай қ.): Тіл құқықты репрезентациялау, құру және іске асыру әдісі ретінде.

Авторлардың пікірінше, құқықтық болмыс үшін тілді, оның формалары мен ережелерін білудің маңызы орасан зор болғандықтан, оны құқық әдісі ретінде анықтауға болады. Тілді, оның табиғаты мен мәнін категориалдық түсіну зерттеушіге, заң шығарушыға және құқық қолданушыға өз көзқарастары мен ниеттерін семантикалық тұрғыдан дәлірек білдіруге, танымдық мінез-құлықты негіздеуге және оған жауап беруге мүмкіндік беретін қажетті шарт болып табылады. Тіл негізінде құқықтық мәдениет пен құқықтық сана, құқық философиясы мен теориясы, объективті құқық пен құқықты іске асыру практикасы қалыптасады. Қазіргі заманғы құқықтық дағдарыс – құқықты түйсіну саласындағы себептер мен әдіснамалық қайшылықтарды жете бағаламаудан басқа ештеңе емес. Құқықтануда мыналар жеткіліксіз дәрежеде түсініледі: а) философиялық танымның негізгі бірліктері – «ұғым», «гипотеза» және «теория» категориялары; б) құқықты, оның генеративті, репрезентативті және коммуникативті функцияларын формализациялаудың негізгі құралы ретіндегі тіл, тілдік бірліктер; в) құқықтың табиғаты, идеялары мен құндылықтары, негізгі заңи категориялар мен терминдер. Нақты мағынада, мақалада сөз (сөйлеу оралымы, неологизм) өзін-өзі қамтамасыз ететін және күрделі моносистема – сөздің материясынан, сөздің мағынасынан және сөздің өлшемінен тұратын танымдық «зат» (танымдық құбылыс) ретінде ұсынылған. Мұндай үштік құқықтынауға сөздер мен құқықтық ұғымдардың құрылымдық және семантикалық ортақтығын олардың органикалық бірлігінде бір құбылыстың екі қыры ретінде көруге мүмкіндік береді. Мақалада құқықтық болмысқа қатысты Витгенштейннің тілдік ойындар теориясы да ашылады. Біз бұл теорияны түсіну құқықтық мәтіндердегі ұғымдарды алмастырудан, дүниетаным мен адал азаматтардың мінез-құлқымен айла-шарғылар жасаудан аулақ болуға мүмкіндік беретініне негізделеміз. Жұмыста логика заңдарының сақталуы, тиісінше, заң ғылымының, заң шығарудың және құқық қолданудың сапасы, тұтастай алғанда қоғамның өркениеті тілдік категориялар мен тілдік ойындардың табиғаты мен мәнін түсінуге тікелей байланысты деген тұжырым негізделген.

Тірек сөздер: тіл құқық әдісі ретінде, тіл құқықты репрезентациялау, қалыптастыру және іске асыру тәсілі ретінде, құқықтанудағы тіл функциялары, тілдік ойындар теориясы, тіл жүйе және феномен ретінде, құқықтанудағы тілдік ойындар.

T.T. Shiktybayev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of Zулharnay Aldamzhar Kostanay social and technical university; R.S. Kaspayeva, Master of Law, senior lecturer of the Department of Legal disciplines of Zулharnay Aldamzhar Kostanay social and technical university (Kostanay): Language as a method of representation, creation and implementation of the law.

According to the authors, the meaning of language, knowledge of its forms and rules for legal reality is so great that it can be rightfully designated as a method of law. The categorical comprehension of language, its nature and essence is the necessary condition that allows the researcher, legislator and law enforcement officer to semantically more accurately express their views and intentions, justify cognitive behavior, and be responsible for it. On the basis of the language, legal culture and legal consciousness, philosophy and theory of law, objective law and practice of law are formed. The modern legal crisis is nothing more than an underestimation of the causes and methodological contradictions in the field of knowledge of law, insufficient understanding by jurisprudence of: a) the key units of philosophical knowledge – the categories of concept, hypothesis and theory; b) language as the main tool for formalizing law, its generative, representative and communicative functions, linguistic units; c) the nature, ideas and values of law, basic legal categories and terms. In particular, the word (speech turnover, neologism) is presented in the work as a self-sufficient and complex monosystem – a cognitive “thing-in-itself” (cognitive phenomena), consisting of the matter of the word, the meaning of the word and the measure of the word. Such a trinity makes it possible for jurisprudence to see the structural and semantic community of words and legal concepts in their organic unity, as two sides of one phenomena. The article also reveals Wittgenstein's theory of language games in relation to legal reality. We proceed from the fact that understanding this theory allows avoiding the substitution of concepts in legal texts, manipulation of the worldview and behavior of conscientious citizens. The paper substantiates the conclusion that the observance of the laws of logic, respectively, the quality of legal science, law-making and law enforcement, the civilization of society as a whole directly depends on understanding the nature and essence of language categories and language games.

Key words: language as a method of law, language as a way of representation, formation and implementation of law, functions of language in jurisprudence, theory of language games, language as a system and phenomena, language games in jurisprudence.

Список литературы:

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. Кембридж. 1945 // <https://e-libra.su/read/472417-filosofskie-issledovaniya.html> (06.03.2020).
2. Грант С. «Языковые игры» Витгенштейна: путь к свободе. Источник «Now playing Wittgensteinian language-games can set us free» / Аeon // URL: <https://monocler.ru/yazykovyie-igryi-vitgenshteyna/> (03.03.2020).
3. Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН // URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178_ca663d38106d7f161178 (19.02.2020).

4. Рассел Б. История западной философии (перевод с английского). М.: Издательство АСТ, 2019. – 1024 с.
5. Честнов Л.И. Постклассическое правопонимание: основные характеристики. Право и государство. 2017. № 1-2 (74-75). – С. 13-25.
6. Шиктыбаев Т.Т. Верховный Суд: каждый должен заниматься своим делом // URL: <https://www.zakon.kz/4900769-verhovnyy-sud-kazhdyy-dolzhen.html> (04.11.2020).
7. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Языковая компетенция от А.А. Потебни к Н. Хомскому // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kompetentsiya-ot-a-a-potebni-k-n-homskomu> (19.02.2020).

References (transliterated):

1. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya. Kembridzh. 1945 // <https://e-libra.su/read/472417-filosofskie-issledovaniya.html> (06.03.2020).
2. Grant S. «Yazykovye igry» Vitgenshtejna: put' k svobode. Istochnik «How playing Wittgensteinian language-games can set us free» / Aeon // URL: <https://monocler.ru/yazykovyie-igryi-vitgenshteyna/> (03.03.2020).
3. Novaya filosofskaya enciklopediya. Elektronnyaya biblioteka IF RAN // URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178ca663d3_8106d7f161178 (19.02.2020).
4. Рассел Б. Историya zapadnoj filosofii (perevod s anglijskogo). М.: Izdatel'stvo AST, 2019. – 1024 s.
5. Chestnov L.I. Postklassicheskoe pravoponimanie: osnovnye harakteristiki. Pravo i gosudarstvo. 2017. № 1-2 (74-75). – S. 13-25.
6. Shiktybaev T.T. Verhovnyj Sud: kazhdyj dolzhen zanimat'sya svoim delom // URL: <https://www.zakon.kz/4900769-verhovnyy-sud-kazhdyy-dolzhen.html> (04.11.2020).
7. Shtajn K.E., Petrenko D.I. Yazykovaya kompetenciya ot A.A. Potebni k N. Homskomu // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kompetentsiya-ot-a-a-potebni-k-n-homskomu> (19.02.2020).

Для цитирования и библиографии: Шиктыбаев Т. Т., Каспаева Р. С. Язык как метод репрезентации, создания и реализации права // Право и государство. 2021. № 3(92). – С. 128-141. DOI: 10.51634/2307-5201_2021_3_128

Материал поступил в редакцию 05.11.2020.